

М.В. Смагина

СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В статье раскрыто то, что можно назвать антифундаменталистским пафосом конструктивизма: идея о том, что не существует фундаментальной реальности или очевидных оснований, направляющих любую форму интеллектуальной активности в области исследований социальных наук.

Показано, как конструктивизм усиливает рефлексивную позицию индивида, привлекая, во-первых, внимание к способам, посредством которых ученые создают предмет исследования, а во-вторых, повышая чувствительность к тем способам, какими те или другие представления позиционируются в культуре как понятные и используются людьми для поддержки одних и избегания других представлений. Для этой цели автор привлекает ряд работ отечественных и зарубежных специалистов.

Сфера социального является предметом изучения ряда дисциплин, таких как социология, социальная философия, социальная психология, социальная антропология. «Социальное» обозначает и подчеркивает специфику общественного по отношению к естественному и природному, а социальные науки используют научные методы для постижения формы и содержания человеческого взаимодействия.

Социальное взаимодействие подчиняется определенным моделям и потому может быть описано на основе общих принципов. Все общества структурированы, все общества стратифицированы, во всех обществах есть разделение труда на основе возраста и пола — это общие социологические принципы. Антропология предлагает сходные принципы понимания культур: все общества строятся на системах ценностей, состоящих из идеальных моделей поведения и мышления, к которым приобщается каждый член данного общества, и норм поведения; все культуры балансируют между реальными и идеальными моделями поведения. Психология показывает, что во

всех обществах есть люди, отклоняющиеся от норм, с различными способностями к обучению и т. д. В целом социальные науки рассматривают такие проблемы, как социальное положение людей, их перемещение в социальных группах, их жизненный уровень, место в системе социального разделения труда и др.

Социальная философия предлагает рассматривать «социальное» многопланово — в качестве различных соотношений уровней, актов человеческой деятельности, в том числе учитывающих зависимость отдельного индивида от логики социальных взаимодействий, и, соответственно, социальные связи отдельного индивида как необходимый компонент действующей социальной системы. Категориальный аппарат, используемый социальной философией, достаточно специфический, одновременно несет на себе следы многочисленных методов и средств, используемых социально-гуманитарными науками.

Познавательная деятельность рассматривается социальной философией не только в качестве одного из важных процессов совместной и индивидуальной человеческой деятельности, но и в качестве основания для формирования мировоззрения. Как отмечает один из исследователей, познавательная деятельность — это «деятельность людей по созданию понятий, схем, образов, концепций, обеспечивающих воспроизводство и изменение их бытия, их ориентации в окружающем мире» (Кемеров 2004: 520), тем самым он выносит рассмотрение процесса познания далеко за рамки функционирования когнитивных процессов и построения конкретных социальных схем.

С Нового времени в познавательной деятельности научное познание начинает лидировать, и долгое время познавательная деятельность в целом мыслилась по его модели. На протяжении последнего столетия в сфере научного познания наблюдается ряд существенных изменений. Усиливается тенденция сближения естественных и социально-общественных наук, которые вне зависимости от критериев их классификаций находят точки соприкосновения в применяемых методах. Социокультурные, политические, институциональные, коммуникативные, личностные аспекты выступают в качестве факторов, способствующих выработке общезначимых схем взаимодействия и необходимых для познавательной деятельности в целом. Во многих современных исследованиях науки широкое распространение получают мнения «о все возрастающем признании влияния “социальности” на современное состояние науки» (И. Хакинг), о том, что «наука представляет собой один из возможных результатов коммуникации по ее поводу» (Н. Луман).

В частности, исследователи философии и методологии науки Д. Гилберт и М. Малкей утверждают, что в выборе научных концепций, помимо когнитивных аспектов, заключенных во взаимодействии ученых с исследуемыми объектами, все большая роль отводится социальным аспектам, затрагивающим не только специфические взаимодействия внутри ученого сообщества, но и выходящим за его рамки. По их мнению, «прогресс этой [научной — М. С.] области не сводится лишь к научному осмыслению фактов и что всестороннее объяснение ее когнитивной эволюции должно учитывать также социальные, политические и личностные факторы» (Гилберт, Малкей 1987: 7), которые, с их точки зрения, играют одну из ведущих ролей в производстве научного знания.

В области естественнонаучных дисциплин было показано, что в выборе

научных концепций помимо когнитивных аспектов, заключающихся во взаимодействии ученых с исследуемыми объектами, все большая роль отводится социальным аспектам. Последние затрагивают не только специфические взаимодействия внутри ученого сообщества, но взаимодействия, выходящие за его рамки. Т. Куном были представлены модели познавательной деятельности, сочетающие образы постепенного накопления знания с концепцией резкой смены его ценностно-нормативных систем.

Показательными в этом плане являются исследования Д. Прайса, акцентирующие внимание на исследовании, организации и продуктивности межличностного общения в научных коллективах; исследование «личного знания» М. Полани как личностного аспекта познавательной деятельности.

В XX в. важными для понимания, а также изучения познавательной деятельности, помимо научного познания, становятся другие его формы (игровые, мифологическое, религиозное, философское). Социальная феноменология в лице П. Бергера и Т. Лукмана, продолжая традицию, начатую А. Шюцем, задает совершенно новые ориентиры в формировании познавательной деятельности путем включения обыденного мышления в процесс производства знания.

Реконструкции современных общественных структур и протекающих в них социальных процессов нашли свое непосредственное выражение в изменении современных систем коммуникаций. На фоне массового разрастания радио, телевидения, журналистики, а в последние десятилетия — Интернета — способы приобретения людьми представлений, мнений и суждений по тем или иным вопросам становятся более проблематичными. Согласно фундаментальной предпосылке социального конструктивизма следование определенной мыслительной системе должно быть объяснено с помощью анализа конкретных характеристик ее социального контекста.

Социальные науки претерпевают серию внутренних реконструкций. Прежде всего, характерным для социального познания становится образование междисциплинарного пространства социально-гуманитарных дисциплин*, которое связано с двумя взаимозависимыми процессами. С одной стороны, наблюдается размежевание социальных наук и выделение их в самостоятельные области знания. С другой стороны, в процессе разделения наук на специализации происходит углубление взаимосвязей между ними; модели и методы одних дисциплин начинают использоваться другими, нередко модифицируя предмет исследования; появляется возможность более широкого и разнообразного использования социального инструментария. В результате междисциплинарное сотрудничество приводит не столько к изменению целей социального исследования, сколько к переориентации его интереса, и, как следствие, к необходимости пересмотра используемых исследовательских процедур (Коркюф 2002: 25–29).

Одновременно социальное познание переживает ряд «поворотов». Достижения постструктурализма и деконструктивизма: расцвет лингвистической традиции, идущей от Ф. Де Соссюра и развитой Р. Бартом; теория деконструкции Ж. Деррида; исследования дискурсов М. Фуко и некоторые другие послужили основанием «лингвистического» поворота в современной

* Хочется уточнить, что не каждое исследование может и должно быть выполнено в междисциплинарном ключе.

социальной науке. Вслед за «лингвистическим» социальное познание последовательно переживает «интерпретативный» и «культурно-исторический» поворот. Последний приводит к постепенному преодолению преобладающих социологизированных структур интерпретации общественных процессов (в основном марксистских, позитивистских и некоторых других) и проявляется в возрождении нарративной истории, фокусирующей внимание на событиях, культуре и индивидуумах (Селунская 2000: 47). На этом фоне все большее признание получает позиция, что разнообразные сферы общественной жизни (экономическая, социальная, политическая), а также социальные структуры и процессы имеют культурно-историческую обусловленность.

Серия такого рода «поворотов» ставит под сомнение положение, что методологии, внедренные в процесс овладения научным знанием, являются универсальными и вневременными, а следовательно, могут быть социально, культурно, исторически обусловлены, как и любая другая сфера человеческой деятельности (Berkhofer 1995: 2).

Выявление новых структур и механизмов научно-познавательной деятельности подталкивает многих теоретиков к попыткам использования разнообразных парадигм для объяснения действительности. Социологические методы, позволяющие рассматривать вопросы функционирования общества, описывать его нормативные структуры, общественные процессы, изучать человеческие действия и отношения, все чаще используются различными дисциплинами. Однако социологический подход имеет свои недостатки. Одним из характерных недостатков является ограниченность связи личного и социального.

Наравне с нарастающей тенденцией интеграции социологических методов в социальные науки мы можем наблюдать тенденцию более универсального использования методов, прежде характерных для конкретной дисциплины. Некоторые способы анализа (методология «плотного описания» культуры, некоторые семиотические подходы) берутся исследователями из узкого контекста конкретной дисциплины и применяются к более широкому исследовательскому полю.

Например, методология семиотической концепции, или «плотного описания» культуры, предложенная К. Гирцем, до недавнего времени использовалась только в культурной антропологии. Однако, по мнению К. Гирца, антрополог имеет дело с теми же социальными категориями (власть, общественные структуры, институты, собственность, престиж, вера, и некоторые другие), которыми оперируют другие социальные науки, изучающие социальные трансформации.

Поэтому попытки конкретных народов поместить политические, экономические, социальные реальности, которые окружают людей в повседневной жизни, в осмысленные и понятные им рамки, могут быть вынесены за пределы антропологического исследования в более широкий контекст социокультурной сферы. По мнению К. Гирца, «как взаимодействующие системы создаваемых знаков <...> культура не есть сила, которой могут быть произвольно приписаны явления общественной жизни, поведение индивидов, институты и процессы, она — контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т. е. “насыщенно” описаны» (Гирц 1997: 183), тем самым он подчеркивает междисциплинарный характер своей семиотической концепции.

Помимо методологии «плотного описания» К. Гирца, выступающего за

интерпретацию социального дискурса, семиотические подходы Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского (московско-тартуская школа) и некоторые другие создают поле использования антропологических и семиотических методологий в междисциплинарном пространстве.

Вместе с тем современный взгляд на общество как на динамическую систему предполагает наравне с методологиями, представленными социальными науками, применять в социальном познании новейшие общенаучные парадигмы: системный подход, общую теорию информации, концепцию синергетики и некоторые другие. Речь идет не столько о расширении категориального аппарата социальных дисциплин, сколько о возможности использования достаточно универсальных математических моделей, разработанных в рамках теории нелинейных динамических систем и математической теории хаоса, тесно связанных с концепциями синергетики (Там же: 147) и позволяющих в полной мере охватить всю специфику и полноту социальных процессов.

В частности, теория синергетики дает методологическую основу и аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов, хаотизации и альтернатив развития не только в естественных, но и в социальных науках. Методы, предоставляемые синергетикой, позволяют учесть саморазвитие сложных систем в процессе активного взаимодействия не только различных подсистем, но и в результате активного воздействия конкретных групп людей с целью получения ожидаемых результатов (Новикова 2002: 65).

Все вышеперечисленные методологии рассматривают взаимодействия, происходящие в обществе, в динамике, в качестве процессов. Однако неоднородность предмета исследования и многоплановость социальной реальности предполагают их определенную ограниченность. Требуется либо синтез ряда методологических принципов, либо применение иных, комбинированных, методологий, одна из которых — парадигма социального конструктивизма. В данной парадигме получают углубленное развитие и учитываются в качестве ключевых факторов научного производства такие аспекты научно-познавательной деятельности, как социокультурные, политические, институциональные, коммуникативные и некоторые другие. Способы анализа, предоставляемые парадигмой социального конструктивизма, позволяют расширить традиционную сферу социальных позиций путем включения в нее новых, которые конструируются прежде всего в процессе социальных взаимодействий.

Подобному изменению традиционной сферы социальных позиций способствовало обоснование взаимозависимости познавательной деятельности и конкретной культурной и/или социальной ситуации, в которой находится познающий индивид или определенное сообщество. Из наиболее ярких представителей, описывающих подобные взаимозависимости, можно выделить К. Маркса и М. Фуко.

К. Маркс осуществил удачную попытку непосредственно связать процесс познания с контекстом социальных преобразований. Им, в частности, была представлена философско-социологическая концепция науки, где исследователь развил идею о взаимовлиянии науки и общества и обозначил науку как социально-историческое явление, напрямую зависящее от экономического развития общества. Он условно выделил несколько этапов, ко-

торые связаны с историческим развитием общества, а значит, испытали на себе все сложности, особенности и специфику социально-экономических изменений. В свою очередь, М. Фуко акцентирует внимание на исторически изменяющихся системах мыслительных предпосылок познания и культур и рисует эволюцию познания как смену эпистем — исторических формаций знания (См.: Фуко 1994; 1996).

В философском осмыслении человеческого опыта парадигма социально-конструктивизма оформляется, начиная с работ немецкого философа и одного из основоположников социологии познания Карла Мангейма и немецко-американского социолога Альфреда Шюца. К. Мангейм справедливо отметил, что «во все времена было трудно отделять личные отношения от окружающих социальных и политических структур» (Мангейм 1994: 549), тем самым подчеркивая переплетенность мотивации исследователя и его социального окружения. Социальная философия принимает активное участие в данном процессе, перемещая фокус своего интереса с исследования собственно когнитивных процессов и социальных структур на комплексное изучение различных аспектов познавательной деятельности, среди которых важная роль отводится социальным взаимодействиям. Она ставит перед собой важную задачу: в совокупности раскрыть, как знания приобретаются в опыте, как познание сплетено с повседневной жизнью людей.

Возвратимся к главному предмету нашего обсуждения, а именно к особенностям и перспективе использования социально-конструктивистской парадигмы. Напомним, что начиная с середины XX в. и до сегодняшних дней социально-конструктивистская парадигма востребована как в социальных, так и в естественно-научных направлениях. Несмотря на это у большинства исследователей присутствует определенный скепсис в отношении ее возможностей, так как в ряде вопросов (перечень основных характеристик социального конструктивизма, используемые им категории), а также осуществимости применения данной парадигмы имеются разнообразные, иногда крайне противоречивые мнения.

Мы также полагаем, что существующая структура социальных дисциплин, охватывающая и исследующая проблемы социального познания, хотя и представляет собой достаточно устойчивое и монолитное образование, в то же время содержит ряд неразрешенных вопросов, требующих более пристального внимания со стороны исследователей. Мы считаем, что использование в данном контексте социального конструктивизма поможет безболезненно завершить те реконструкции, которые в настоящее время происходят в социальных науках*.

Хотелось бы подчеркнуть, что благодаря социальному конструктивизму в фокусе внимания современных ученых оказалось повседневное/обыденное познание, которое служит одним из важных элементов научно-познавательной деятельности (Шюц 2003: 32), являясь необходимым признанным компонентом не только научного познания, но и построения социального запаса знания, занимая тем самым ведущее место в процессе социализации личности.

* Формирование междисциплинарного пространства социально-гуманитарных наук, серия «поворотов» (лингвистический, интерпретативный, культурно-исторический), выявление новых механизмов и структур научно-познавательной деятельности (в том числе включение в научное познание альтернативных видов познания — игрового, мифологического, религиозного, философского, обыденного и др.).

В числе других социальных наук социология изучает человеческую деятельность и отношения. Она определяет поле своего исследования рамками общества, его структуры, функций и процессов. Как отмечает К. Дэвис, в социологии «социальными изменениями называются только такие изменения, которые появляются в социальной организации — то есть структуре и функциях общества» (цит. по: *The Social Sciences in Historical Study 1954*: 41). До недавнего времени социальные изменения рассматривались социологией как значительная часть более широкой категории «культурных изменений». В этом плане социология в основном строго ограничивалась рамками своего предмета, т.е. учитывала культурную, историческую, лингвистическую специфику изучаемого общества в той степени, в которой та имеет влияние на социальную организацию и/или социальные взаимоотношения.

Недавно, в связи с возросшим вниманием к обыденному мышлению, в фокус внимания социологов попала так называемая «общая культура» или «социально санкционированные основания заключений и действий, на которые люди опираются в своих повседневных делах и предполагают, что другие их используют так же» (Гарфинкель 2003: 3). А. Шюцем это явление обозначено как обыденное знание социальных структур.

Использование категории «общей культуры» в социологических исследованиях не только заставило пересмотреть качество стандартно применяемого социологического инструментария, но и, прежде всего, расширило область изучаемого предмета и заставило пересмотреть само содержание критерия «научности», применяемого по отношению к стандартным социологическим методам и средствам.

Реконструкции, происходящие в социальных науках, заставили не только признать существование междисциплинарного пространства и, как следствие, переплетенность методов, используемых социальными науками, но и взаимную интеграцию методов социологии, антропологии, психологии и других социальных наук в этом пространстве. В целом применение социального конструктивизма позволило внести новый акцент в эти реконструкции, а именно по-новому оценить роль социальных взаимодействий и рассматривать их в качестве одного из ведущих факторов при создании научного продукта.

Как отметил один из исследователей, «мы обнаруживаем, что человеческие дела — это социальные дела, что социальные дела — это исторические дела и что отличительной особенностью исторических дел является комбинация целенаправленной человеческой деятельности и в некоторой степени случайности <...> субъективная и интерсубъективная осмысленность человеческих дел в целом и социального взаимодействия в частности — не должна игнорироваться гуманитарными науками с единственной целью — избежать методологических трудностей, которые она создает» (Лукман 2003: 44).

Несмотря на то, что естественные науки наравне с гуманитарными/социальными испытали на себе серию реконструкций, а именно признание влияния социально-культурных факторов на научно-познавательную деятельность, в области социальных наук мы наблюдаем определенную специфику. В этом плане характерна точка зрения Т. Лукмана, который утверждает, что, в отличие от естественных наук, для социального познания характерно «не-что», которое «не поддается прямому или инструментально опосредованному наблюдению или описанию <...> (пре)сконструировано в деятельности,

направляемой практической установкой повседневной жизни, и реконструируется в теоретической установке науки» (Там же: 43–44).

Данный «термин» разъясняется А. Шюцем в представленной им конструктивистской модели познавательной деятельности. Немецкий ученый считает, что источник этого «нечто» лежит в области повседневного/обыденного знания в виде типизированных «социально-санкционированных-фактов-жизни-в-обществе-которые-знает-любой-нормальный-член-этого-общества» (Гарфинкель 2003: 3) и что именно эти «структуры обыденного мышления в мире повседневной жизни» (Бергер, Лукман 1995: 32), обозначенные им как конструкты первого порядка, являются базисом для построения научного знания. «Конструкции, используемые исследователем в социальных науках, являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, возведенных на социальной сцене акторами, чье поведение исследователь наблюдает и пытается объяснить, следуя правилам научного метода» (Коркюф 2002: 82).

Хотя представленная А. Шюцем двухуровневая познавательная модель «конструктов», возможно, подлежит оспариванию, однако в этом построении есть важный момент, на который стоит обратить внимание. В связи с выявленным влиянием социальных аспектов на научно-познавательную деятельность в естественных науках объективность научных процедур лишь частично ставится под сомнение. Однако конструктивистские модели социальных наук, и в частности модель, представленную А. Шюцем [мир научной теории/«конструкции второго порядка», — *М.С.*] предполагается полностью рассматривать как результат интерпретаций.

Вновь обратимся к мнению ученого. «Его [ученого теоретика — *М.С.*] предназначение состоит не в том, чтобы подчинять себе мир, а в том, чтобы наблюдать и, по возможности, понимать его <...>. Он [ученый теоретик — *М.С.*] вынужден построить искусственное приспособление, чтобы сделать интересубъективный жизненный мир видимым — или, лучше сказать, не этот мир, а лишь его подобие, подобие, в котором воспроизводится человеческий мир, но лишенный своей жизненности, и в котором воспроизводится человек, но лишенный своей неразрывной человечности» (Шюц 2003: 26–32).

Учет «человеческой составляющей» в гуманитарных науках предполагает одновременно еще одно их существенное отличие от наук естественных. Для наук физического мира более характерен индуктивный подход/от универсального к локальному. Для социальных наук, напротив, более приемлема гипотетико-дедуктивная модель/от локального к универсальному, предполагающая реконструкцию типичных смыслов собранных данных при использовании различных методов интерпретации. Хотя, как справедливо отмечает Т. Лукман, «отношения между теорией и данными здесь [в социальных науках — *М.С.*] более тесные, чем это постулируется в традиционной гипотетико-дедуктивной модели» (Лукман 2003: 45).

Напомним, что социальные изменения традиционно рассматривались социологией как значительная часть более широкой категории «культурных изменений». Спецификой социологических исследований служит протяженность их во времени. Другими словами, изучаемые события одновременно объясняются их историей и будущим. Ученый способен дать адекватную интерпретацию происходящим событиям, лишь непосредственно анализируя процесс, то есть одновременно учитывая историю и прогнозируя пер-

спективу. Проблема адекватной интерпретации данных, получаемых в ходе анализируемого процесса, — одна из основных проблем, стоящих перед современной социологией.

Не менее острой проблемой, стоящей перед современными социологами, является необходимость в некоторых случаях анализировать специфические культурные (в том числе этнографические, лингвистические и др.) данные еще не изученных общественных структур. Социальные конструктивисты предложили свои методы для преодоления изложенных выше проблем. Социальный мир, представленный социальными феноменологами, — мир, конструируемый в процессе повседневных взаимодействий и конституированный смыслами, которые обретают жизнь только при использовании языка. Обращаясь к «локальным» конструктам первого порядка А. Шюца*, мы прежде всего наблюдаем культурную и историческую специфичность данных феноменов. Эта специфичность находит отражение в используемом языке и одновременно преодолевается с его помощью. То есть, по мнению А. Шюца, формализации, ведущие к появлению конструкций второго порядка, можно с уверенностью рассматривать в качестве путей, которые «расширяют диапазон применимости к другим средам, культурам, периодам» (Лукман 2003: 46).

Близкую точку зрения разделяют П. Бергер и Т. Лукман. Они утверждают, что «благодаря своей способности выходить за пределы “здесь-и-сейчас” язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое» (Бергер, Лукман 1995: 68). Данное качество языка — выход за пределы/ «трансценденция» выделено ими как особое и имеет «пространственное, временное, социальное измерения <...> что касается социальных отношений, язык “делает наличными” для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к моим воспоминаниям и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представляемых мной в воображении» (Там же: 69).

Подводя некоторый итог, мы можем подчеркнуть, что в современной социологии наблюдается отказ от прежде присущей ей традиционной позиции, которая отдавала предпочтение анализу социальных структур, основанному на сборе статистики при непосредственном использовании «материальных» объектов (документов, артефактов и мн. др.). А позиция, что социальные и прежде всего коммуникативные процессы «недоступны точному описанию и что субъективное необъективируемо» (Лукман 2003: 41), была поставлена под сомнение благодаря использованию социально-конструктивистской парадигмы.

В частности, предложенный К. Мангеймом «документальный метод» в рамках социального конструктивизма предлагает использование «... идентичного гомологичного паттерна, лежащего в основе огромного разнообразия совершенно различных пониманий смысла» (Гарфинкель 2003: 4). Суть метода заключается в том, что реальное проявление рассматривается в качестве документального свидетельства, замещающего данный гомологичный паттерн. Мы имеем также и обратную зависимость: реальные проявления или «документальные свидетельства» могут быть подвержены интерпретации исходя из лежащего в их основе паттерна.

Таким образом, «документальный метод интерпретации», в отличие от

* А. Шюц считает, что «структуры обыденного мышления в мире повседневной жизни» являются конструктами первого порядка и основой для построения научного знания.

традиционных социологических методов, учитывает такую особенность социального познания, как субъективная и интерсубъективная осмысленность человеческой деятельности. Он позволяет предусмотреть и учесть при интерпретации собранных данных такие особенности человеческих взаимодействий, как использование повседневных типизаций в интерсубъективном общении, предусматривает при интерпретации данных смысловую неоднозначность того, что говорит человек*.

«Документальный метод» К. Мангейма нашел широкое применение в анализе разнообразных социологических событий, таких как стратегии для управления впечатлениями И. Гофмана, кризисы личности Э. Эриксона, системы ценностей Т. Парсонса, магические обряды Малиновского, подсчет интеракций по Р. Бейлу, типы девиации Р. Мертона и некоторых других.

Социальные конструктивисты взяли на себя смелость решить еще одну, важную не только для одной социологии проблему. Социолог, описывая нормативную структуру общества, в том числе исследует составляющие его нормативные структуры, такие как социальный институт, традиция, религия, статус и другие. Термин «социальный институт» относится как к организованным системам действий, так и к правилам и нормам поведения, принятым и признаваемым индивидами и группами. Напомним, что в конце XIX в. был признан и в дальнейшем стал предметом изучения отдельной дисциплины [социологии познания — *М.С.*] тот факт, что социальные, политические, идеологические и некоторые другие моменты оказывают непосредственное влияние на создание научных теорий. Признание современной социологией важности «человеческого фактора» побудило учитывать интерсубъективные взаимодействия в научных кругах, а также выявлять их влияние на получение научного продукта. Соответственно, этот фактор является областью взаимодействий определенных социальных групп — научного сообщества. Помимо признания влияния различных социальных и других подобных факторов на получение научного результата, институт науки в числе других социальных институтов выступает источником устойчивых когнитивных установок и норм.

В свете социально-конструктивистской парадигмы социальные институты одновременно стали рассматриваться как стабильные общественные структуры в контексте динамично протекающих процессов институционализации (Бергер, Лукман 1995: 80–150). Сформулированный социальными конструктивистами П. Бергером и Т. Лукманом процесс институционализации включает в себя два аспекта: освобождение от создающих ее участников социальных взаимодействий (экстериоризации) и конституированных мирами объектов, отделенных от субъектов (объективации). Одновременно данный процесс опирается на обыденное/повседневное типологизирующее знание и на взаимодействия «лицом-к-лицу» в процессе интерсубъективного общения.

Обращаясь за подробными разъяснениями к социальным конструктивистам, мы видим, что взаимодействия внутри научного сообщества подвержены тем же закономерностям, какие мы наблюдаем у других социальных групп. Поэтому мы можем предположить, что объективный статус научных фактов, приобретаемый в процессе объективаций, также испытывает влияние процессов типизации, осуществляемых в научном сообществе. То есть

* Человек часто говорит не совсем то, что он имеет в виду.

происходит нахождение смысловой связи между накопленным социальным опытом и решаемой актуальной проблемой, осуществляемой в языке. Более того, П. Бергер и Т. Лукман однозначно заявляют, что «любая типизация есть институт» (Там же: 92). Однако процесс типизации, положенный Бергером и Лукманом в основу институционального анализа, не опровергает важности характеристик, лежащих в основе традиционного социологического институционального анализа, он лишь подчеркивает важную социальную составляющую любого института.

Таким образом, если традиционный социологический анализ, опирающийся на принцип «языковой устойчивости», исходил из того, что «если “достаточная часть” сообщений участников, по-видимому, устойчиво сходится в описании данного социального действия, то эти сообщения следует считать точным описанием» (Гилберт, Малкей 1987: 19), то социальный конструктивизм оспорил эту позицию. В частности, Холлидей (Halliday 1978: 28–29; 32) полагает, что «не бывает абсолютно точных описаний и что смысл всех языковых формулировок — и, по существу, всех символических продуктов участников — должен пониматься только в связи с порождающим их контекстом» (цит. по: Гилберт, Малкей 1987: 19).

В большинстве случаев, однако, предположение, что социальные факторы оказывают непосредственное действие на создание научного продукта, стало использоваться исследователями скорее в качестве критического аргумента. Сторонники рассматриваемой позиции замечают, что достаточно часто ссылки на социальный или личностный аспект в научных дискуссиях возникают у исследователей, когда имеется необходимость пренебречь мнениями, которые противоречат выводам либо сделанным отдельным исследователем, либо принятым определенной группой участников. При этом подобные мнения определяются как «преувеличения, предвзятые оценки, заявления идеологического характера, ложные сообщения и т.д.» (Там же: 19–20). Однако социологи Гилберт и Малкей приходят только к проблематизации данной темы, не предлагая при этом конкретного решения и считая, что «традиционная цель социологов — анализ общественной жизни на основе мнений, предполагаемых участниками социологического обследования, — возможно, вообще непостижима ввиду способности участников творчески использовать языковые средства» (Там же: 18–21) [то есть, говоря словами социальных феноменологов, невозможно никаким образом учитывать «человеческую составляющую» — М.С.].

Социальный конструктивист Т. Лукман при решении проблемы предлагает сфокусировать внимание на описании и интерпретации диалога. В своих работах он подчеркивает, что «анализ диалога является главной задачей не только дисциплин, специализирующихся на исследовании языка как системы коммуникативных форм, но и всех остальных социальных наук, которые изучают процессы коммуникативного взаимодействия и их результаты» (Лукман 2003: 41). В предложенной им методологии интерпретативной реконструкции он, подобно А. Шюцу, выделяет двухуровневую модель конструкторов, основанную только на реконструкции и последующей интерпретации содержания того, что говорят участники. Т. Лукман разъясняет, что «задача реконструкции, поэтому, заключается в “формализации” и “идеализации” типически релевантных знаний и предположений участников взаимосвязанных коммуникативных проектов, знаний и предположений, без которых акторы не могли бы по-

нимать друг друга и без которых аналитик не мог бы понимать акторов, — то есть контекста, который делает текст понятным» (Там же: 50).

Подводя итоги, мы можем сказать, что присущая социологии традиционная позиция, согласно которой социальные и в том числе коммуникативные процессы недоступны точному описанию, опровергается благодаря социальному конструктивизму. В центре внимания современных социологических исследований оказывается язык, в котором «структуры объединяются в функциональную систему» (Schütz, Luckmann 1973).

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995.

Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказывания ученых. М.: Прогресс, 1987.

Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997.

Гарфинкель Г. Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. Т. 3. № 1. 2003.

Кемеров В. Познание // Современный философский словарь. М., 2004.

Климов И. Социальный запас знания // Социальная реальность. 2006. № 1.

Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.

Лукман Т. Замечания об описании и интерпретации диалога. Онтологические допущения, методологические следствия // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 3.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

Новикова Л. Методологические принципы социально-исторического моделирования // Философские науки. 2002. № 1.

Селунская Н. К проблеме объяснения в истории // Проблемы источниковедения и историографии. М., 2000.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Academia, 1994.

Шюц А. О множестве реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2.

Berkhofer R.F., Jr. Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1995.

Gergen K.J. Realities and Relationships: Soundings in Social Construction. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.

Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic. London, Edward Arnold, 1978.

Schütz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Vol. I. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1973.

The Social Sciences in Historical Study: A Report of the Committee on Historiography. New York: Social Science Research Council (Bulletin 64), 1954.